

Юлий Айхенвальд

Максим Горький

Юлий Айхенвальд

Максим Горький

«Public Domain»

1910

Айхенвальд Ю. И.

Максим Горький / Ю. И. Айхенвальд — «Public Domain»,
1910 — (Силуэты русских писателей)

ISBN 978-5-457-13362-4

«Наиболее поразительной и печальной особенностью Горького является то, что он, этот проповедник свободы и природы, этот – в качестве рассказчика – высокомерный отрицатель культуры, сам, однако, в творчестве своем далеко уклоняется от живой непосредственности, наивной силы и красоты. Ни у кого из писателей так не душно, как у этого любителя воздуха. Ни у кого из писателей так не тесно, как у этого изобразителя просторов и ширей. Дыхание Волги, которое должно бы слышаться на его страницах и освежать их вольной мощью своею, на самом деле заглушено тем резонерством и умышленностью, которые на первых же шагах извратили его перо, посулившее было свежесть и безыскусственность описаний. Моралист и дидактик, он почти никогда не отдается беспечной волне свободных впечатлений; опутав себя и читателя слишком явными, белыми нитками своих намерений и планов, он поучает уму-разуму и от ненавистной для него, избличаемой интеллигенции перенял как раз ее умственность, ее теневые стороны...»

ISBN 978-5-457-13362-4

© Айхенвальд Ю. И., 1910
© Public Domain, 1910

Юлий Исаевич Айхенвальд Максим Горький

Наиболее поразительной и печальной особенностью Горького является то, что он, этот проповедник свободы и природы, этот – в качестве рассказчика – высокомерный отрицатель культуры, сам, однако, в творчестве своем далеко уклоняется от живой непосредственности, наивной силы и красоты. Ни у кого из писателей так не душно, как у этого любителя воздуха. Ни у кого из писателей так не тесно, как у этого изобразителя просторов и ширей. Дыхание Волги, которое должно бы слышаться на его страницах и освежать их вольной мощью своею, на самом деле заглушено тем резонерством и умышленностью, которые на первых же шагах извратили его перо, посулившее было свежесть и безыскусственность описаний. Моралист и дидактик, он почти никогда не отдается беспечной волне свободных впечатлений; опутав себя и читателя слишком явными, белыми нитками своих намерений и планов, он поучает уму-разуму и от ненавистной для него, избобличаемой интеллигенции перенял как раз ее умственность, ее теневые стороны. Питая неодолимую антипатию к приват-доцентам и склоняя их к обнаженным ногам Вареньки Олесовой, он сам тем не менее – дурной и мелкий интеллигент, вдобавок еще с привитой впоследствии склонностью к заграничному декадансу. Он не мог сбросить с себя даже той небольшой и недавней культуры, которую второпях на себя накинул. И в нем сказалось не то, что есть хорошего, а то, что есть дурного в типе самоучки. Колеблясь между природой и образованностью, он ушел от стихийного невежества и не пришел к истинному и спокойному знанию, и весь он представляет собою какой-то олицетворенный промежуток, и весь он поэтому, в общей совокупности своего литературного дела, рисуется нам как явление глубоко некультурное. И кажется, не только художник Вагин из его «Детей солнца», но и сам автор убежден, что современный химик Протасов «все возится со своей нелепой идеей создать гомункула». Из его биографии видно, что, по духу своему, он не преимущественный питомец книги, – и все-таки он не одолел мертвящей книжности: это оказалось не под силу его ограниченному, его нещедрому дарованию. Сначала у многих возникла иллюзия, будто он – талантливая натура; но вскоре обнаружилось, что у него мало таланта и еще меньше натуры. Он не баян, а стихотворец. Казалось бы, всем складом своего оригинального существа и существования огражденный от пошлости, он впал именно в нее, в самую середину и глубину ее; и тот, кого мы принимали за прекрасного дикаря, за первобытного и самобытного рапсода воли и чувства, в ужащающей риторике своего «Человека» дал не только образец бездарности и безвкусицы, но, что еще характернее и хуже, в нестерпимой ритмической прозе восхвалил человека – за что же? – не за иррациональность его дерзновенной и могучей воли, а за мысль, за «Мысль» с прописной буквы, за то, что менее всего дорого и важно в том естественном человеке, которого Горький выдает за своего излюбленного героя, за первенца своей души!

Эта «Мысль», маленькая, несмотря на свою большую букву, вообще неизменно сопутствует рационалисту Горькому. Незначительная и неинтересная сама по себе, она только отравляет и сушит едва ли не все его рассказы и пьесы. Автор с нею пристав! к читателям. Она разменивается в его книгах на бесчисленные и, в большинстве случаев, плоские афоризмы и притчи, которые сыплются у него решительно изо всех уст, тягучей канителью навязчивых назиданий переходят со страницы на страницу и этим вызывают чувство досады. Нередко явствует из них, что мыслителю Горькому, самодовольному, Колумбу всех открытых Америк, внове были прописи. Он как откровения вещает, например, такие банальности: «Ибо при условии отсутствия внешних впечатлений и одухотворяющих жизнь интересов муж и жена – даже и тогда, когда это люди высокой культуры духа, – роковым образом должны опротиветь друг другу»; «как все, и поэзия теряет свою святую простоту и непосред-

ственность, когда из поэзии делают профессию» В какую словесную фольгу облечена сама по себе приемлемая мысль: «если бы нас не одолевали гнусные черви мелких будничных зол, мы легко раздавили бы страшных змей наших крупных несчастий»! По поводу Коновалова, который всю душу вкладывал в работу свою, мы узнаем поучительное обобщение: «как это и следует делать каждому человеку во всякой работе». Лишь изредка, случайно, в изобильном кодексе этой элементарной мудрости, похожей на ограниченность, попадаетесь значительная и серьезная идея, например, глубокую мысль Метерлинка о непричастности нашей души к нашим преступлениям, об ее изначальной и ничем не запятнаемой святости, об ее роковой и вечной чистоте, – эту мысль напоминают слова одного из горьковских персонажей: «Душа всегда чиста как росинка. В скорлупе она, вот что. Глубоко она». И во всяком случае, многим афоризмам автора, безнадежно притязующим на глубокомысленность, можно предпочесть другие изречения его героев, более остроумные в своей неоспоримости, как, например: «человек без племянниц не дядя»... Впрочем, и остроумие его не только относительно, но и часто совсем безнадежно; его герои шутят, например, так: молекула гипотезе приходится внучкой. И даже не в том дело, насколько умны и оригинальны его замечания, – губительно то, что его действующие или недействующие лица вообще не столько говорят, сколько изрекают, и они нужны ему не сами по себе, а лишь как сказители мыслей; в самой тюрьме у него заключенные перестукиваются не словами, а сентенциями и пальцами по камню выбивают мудрые утверждения: «кто освободил свой ум из темницы предрассудков, для того тюрьма не существует, ибо вот мы заставляем говорить камни – и камни говорят за нас». Даже образность его поучений не тешит, – наоборот, она, преднамеренная, часто у него совершенно невыносима, и впечатление пошлости достигает своего апогея, когда мы читаем, например, выражение «трупы грез» или слышим от героя такого рода фразы: «зубы моей совести никогда не ныли», «я дам вам жаркое из фантазии под соусом из чистейшей истины»...

Плен у маленькой мысли заставляет Горького большинству своих рассказов придавать какой-то угрюмо-серьезничающий колорит; и сам писатель, и его духовные чада непрерывно и однообразно умничают. Они слова в простоте не скажут, эти носители сентенций и тенденций, эти сосуды рассудочности, и потому не производят впечатления реальных людей. Горький не умеет жить. И его герои тоже не живут просто, непосредственно, стихийно, – вместо этого они рассуждают о том, как надо жить, как надо строить свою жизнь. Даже самые бесшабашные из них, забубённые головы, на разные лады повторяют одно: «Жизнь у меня без всякого оправдания». Им надо перед кем-то или чем-то оправдаться. Будь это богатый купеческий сын или нищий, обитатели притонов, они все не делают, а думают. Они не дышат, а теоретизируют. И если, по ремарке автора, жители «Дна» населяют подвал, «похожий на пещеру», то это – пещера Платона. Они все – философы. Их у Горького целая академия. Большинство из них, бродяги, странники, беглецы, – философы-перипатетики. Они идут по миру, – во всяческом смысле, и в продолжение своих странствий решают мировые вопросы, от своей личной судьбы и страданий все время приходят к обобщениям, в монотонной беседе отвлеченно-этического характера только и говорят что о правде, о душе, о совести. Герои Горького занимаются мирозерцанием. И потому все у него, в сущности, толчется на одном месте.

Это назойливое вмешательство скудной и слабой мысли, это разъедающее резонерство является со стороны писателя грехом не только против эстетики, но и против его же босяков. Он приписал им черты умственного крохоборства, роковую неспособность воспринимать жизнь «просто так, просто так», как это мы видим у действительного скитальца Гамсуна; он отказал им в даре нецелесообразного и неосмысленного существования. Побуждая их на каждом шагу оглядываться и с широкого простора жизни сворачивать на тесную тропинку рефлексии, он отнял у них неоседлость, возродил для них крепостное право, задержал их

своевольное и наивное движение. Он навязал им то, что им не присуще, можно сказать, – он продал их. Горький босяка обул и этим его обидел. Горький из богемы сделал буржуазию.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.